

Римский король

М.: ММП "Дайджест", 1992

I

Император Наполеон 20 марта 1811 года находился на вершине могущества и в апогее славы. Он являлся властелином Европы, вершителем судеб остального света. От него зависели мир и война, и ничто как будто не могло поколебать его трон, воздвигнутый на пятидесяти победах, трон, у которого доблестные сабли знаменитых маршалов и грозные штыки гренадеров составляли ослепительный и надежный оплот. Смущенные короли, фиктивные преемники Людовика XVI, соскучившиеся в ожидании все более и более невероятной реставрации, позабытые народом за время продолжительного изгнания другими монархами как разоренные и компрометирующие родственники, наконец, бывшие заговорщики, преследуемые и деморализованные, отказались от своих претензий, признанных тщетными, и прозябали в унылой покорности. Все враги империи были удручены и буквально пресмыкались, хотя им предстояло вскоре воспрянуть в дни реставрации. Но в то время они жили лишь одной надеждой, лишь одной мыслью уже не о падении колосса, а о внезапной смерти человека.

"Ах, если бы Наполеон мог умереть!" - таково было единственное желание всех, кому мешал император. Враги нашептывали эту надежду всем, кто был расположен благосклонно принять ее, и распространяли при всех европейских дворах веру в возможность такой случайности.

Заклятым врагом баловня судьбы - Наполеона - был граф Нейпперг, и читатель увидит на следующих страницах романа, что это злое пожелание высказывалось им даже во дворце самого Наполеона, где Мария Луиза без страха и негодования слушала эту молитву.

Смерть императора объединяла все виды ненависти, все виды мести, все пылкие надежды вокруг нового Карла Великого.

Наполеон не имел прямого наследника, и его государство рисковало распасться в жестоких столкновениях. Вся его громадная империя была бы обречена на раздел. Генералы, братья, союзники Наполеона выкроили бы себе по хорошему куску из великолепных остатков и на поживу сбежались бы издалека. Смерть Наполеона явилась бы для побежденных монархов отместкой, для поработенных наций - избавлением, а для Бурбонов, вычеркнутых из списка королей, становилась возможной реставрация.

Весть о том, что Мария Луиза готовится подарить императору ребенка, уничтожила все эти планы, разрушила надежды. Итак, мечте Наполеона было суждено сбыться вполне!

Победоносный всюду, доверчиво наслаждавшийся миром, имея только одну обузу на плечах - Испанию, он с лихорадочным нетерпением ожидал разрешения императрицы от бремени.

Несмотря на самый тщательный уход, беременность Марии Луизы протекала тяжело, а в последнюю минуту у ее постели водворилась молчаливая и глубокая тревога, и обеспокоенный доктор Корвизар послал за императором.

Отбросив всякий этикет, без камергера, без дежурной дамы, с обнаженной головой и помутившимся взором, тот, видимо упавший духом, показался на пороге спальни Марии Луизы.

- Спасите мать! - воскликнул он. - Не дайте погибнуть моей Луизе! Корвизар, вы отвечаете головой за жизнь императрицы! - воскликнул он.

- Ваше величество, я попытаюсь спасти также и ребенка, но придется, пожалуй, прибегнуть к щипцам...

Наполеон с горестным видом махнул рукой, предоставляя полную власть доктору, а затем, увидав знаменитого акушера Дюбуа, который должен был принимать младенца, и заметив его смущение, сказал ему:

- Сохраните хладнокровие и поступайте - черт побери! - так, как если бы вы находились у постели крестьянки.

Некоторое время Наполеон с тревогой и нежностью смотрел на юную страдальцу, с любовью